

речи, хочет действовать на читателя сжатым реализмом своих картин; но очень часто это приводит автора к самой несомненной прозе» (Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С. 572). «Стихи, которые пишет тогда Колбасьев,— вспоминал Н. С. Тихонов,— полны впечатлений Гражданской войны, но в них, несмотря на точность морских описаний, есть излишняя сухость, прозаичность: „Светят прожекторами. / И, кажется, крейсера. / От них не уйдешь, пожалуй, / А уходить пора. / Что ж, держим на север, / Если нет другого пути. / Минные заграждения? / Попробуем пройти“». (Тихонов Н. С. Морские повести и рассказы Сергея Колбасьева // Колбасьев С. А. Поворот все вдруг. С. 8). Нетрудно увидеть в «прозаизме» К., равно как и в его стремлении к тематической «экзотике», влияние «школы Гумилева».

В 1923 после женитьбы на В. П. Семеновой — студийке «Института живого слова» и участнице лит. группы «Голубой круг» — К. устраивается, благодаря знакомству с семьей Л. М. Рейснер, на место переводчика в советском посольстве в Кабуле (Афганистан), которое возглавлял тогда муж Л. М. Рейснер — Ф. Ф. Раскольников. В том же году К. был отозван из Афганистана и направлен в торговое представительство СССР в Хельсинки, где проработал до 1928.

После возвращения в Ленинград К. вновь обращается к лит. деятельности, вступает в Ленинградско-Балтийское отделение Лит. объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), где скоро заявляет о себе как о самобытном прозаике-маринисте. В 1930 выходит его книга рассказов **«Поворот все вдруг»**, главной темой которой стала судьба кадрового морского офицерства в годы Гражданской войны. В 1930-е К. создает «трилогию» — повести **«Арсен Люпен»**, **«Джигит»** и **«Река»**, — повествующую о становлении выпускника Морского кадетского корпуса, пришедшего на Красный флот; в главном герое трилогии Василии Бахметьеве угадываются автобиографические черты. Проза К. была лишена ложного пафоса; ироничная и безупречная по стилю, она быстро завоевала популярность у читателей, но тут же подверглась резкой критике со стороны «теоретиков» ЛОКАФа — Вс. Вишневского, Л. Соболева и др., которые обвиняли К. в «безыдейности» и «непонимании смысла Гражданской войны и движущих сил революции».

В 1930-е К., помимо худож. творчества, увлекается радиodelом, много изобретает (среди прочего — оригинальные конструкции

магнитофона и телевизора), пишет популярные учебники по радиodelу — **«Радио — нам»** (1929) и **«Радиокнижка»** (1931). Др. увлечением К. стал джаз: пропаганде джаза в Советской России К. уделил много сил, в т. ч. защите Л. О. Утесова от нападок властей; квартира К. на Моховой улице в Ленинграде стала своеобразным «музыкальным салоном» (помимо прочего, К. собрал уникальную коллекцию пластинок с записями джазовой музыки).

В 1935 выходит последний сб. «морских» рассказов К. — **«Правила совместного плавания»**, а в 1937 К. был внезапно арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна, равно как и точная дата смерти. Начиная с 1960-х произведения К. неоднократно переиздавались. «Есть книги, в которых отсутствует игра воображения,— писал Н. С. Тихонов,— они на грани воспоминаний; кажется, что в них герои носят подлинные фамилии, эти книги хорошо передают и дух, и цвет, и голос эпохи. Они правдивы и скромны, люди в них видны во весь рост, и это русские люди, показанные в решающие годы своей жизни. К таким книгам относятся и произведения Сергея Колбасьева» (Тихонов Н. С. Морские повести и рассказы Сергея Колбасьева. С. 11).

Соч.: Поворот все вдруг: рассказы и повести. Л., 1986.

Лит.: Черкасский Я. Моряки четырех морей, но одной революционной крови... // Колбасьев С. А. Повести. Рассказы. Мурманск, 1981. С. 3–7; Колбасьева Г. С. Сергей Колбасьев // Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 315–317.

Ю. В. Зобнин

КОЛЕДИН Константин Константинович [25.10.1940, Мурманск] — поэт.

Воспитывался в московском детском доме и военно-музыкантской школе. Первая публикация — подборка стихов в газ. «Советское Полесье» (1957. 20 янв.). Жил в Белоруссии, Саратове. В 1960-е учился в Лит. ин-те (семинар И. Сельвинского и Ал. Михайлова). Автор книг стихов **«Построю дом»** (1972), **«Кольцо перемен»** (1988), **«Семь небес»** (1992), **«Проснись, любимая...»** (2000).

Творчество К. — по преимуществу философская лирика. Взгляд поэта на мироздание широк и раздолен, что позволяет говорить о приверженности традициям Державина, Баратынского, Тютчева, Заболоцкого: «Вселенной клад — в оправе атмосферы / Дрожит Земли прозрачный изумруд. / Тот,

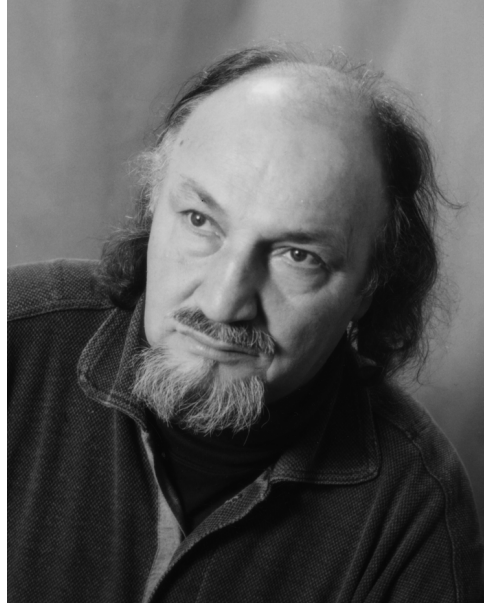
для Кого нет времени и меры, / Его отделать не почел за труд. / Он переполнил влагой океаны. / Он изваял отроги мощных гор. / Он заселил зверьем и лесом страны / И птицам дал заоблачный простор...» (Проснись, любимая... М., 2000. С. 37. Далее цит. это издание).

Поволжские равнины и каменная Москва, мещерские уголья и белорусские болотины — все это в поэзии К. помещено вглубь магического кристалла красоты и наделено таинственной кровной связью с мирозданием. Лирический герой К. напряженно пытается найти свое место на земле, много размышляет о вере, истории, судьбе русского народа: «Многолюдна долгая дорога. / Не всегда щебечут соловьи. / Сотни лет надеются на Бога / Одноверцы, спутники мои... / Но они с надеждою сквозь стоны, / Уповая на пресветлый лик, / Отдают бесчетные поклоны / Для небесных и земных владык» (С. 28).

В творчестве К. отчетливо проявляется близость к фольклору и классической стихотворной школе. Он умеет смоделировать ситуацию, внешне элементарную, но наполненную мощным смысловым потенциалом, как, например, в стих. «**Суворов**».

Впрочем, приверженность каноническим формам стиха отнюдь не мешает К. экспериментировать со словом и стилем. Он может и поиграть словом, и применить новые, необычные тропы и ритмические фигуры («Уж и гоготу и кряку на моей Мещере...»; «И была у собаки хата, / В хате — печь да плита. / Было у меня два брата. / Один — сирота... / И случись на меня напасть, / Такая, видать, звезда. / Было у меня два счастья. / Одно — беда» (С. 45), но в целом не эти изыски определяют рисунок его поэзии: К. последовательно продолжает корневую линию в развитии русского классического стихосложения. «Безграничное доверие и преданность классике делают совершенно „традиционные“, отрешенные от „горячих“ событий нынешнего дня стихи К. столь будоражащими душу — не меньше газетных сообщений о бедах и трагедиях, полонивших нашу страну» (Котенко Н.— С. 148). Поэта глубоко волнуют не только судьбы мироздания и место человека на нашей планете, он находит в истории и культуре образы и символы, обладающие вневременной универсальностью и значимостью («**Офелия**», «**Равель**», «**Из Иейтса**», «**Не ужасайтесь, донна Анна...**», «**Мадонна Литта**»).

В его стихах, несмотря на встречающиеся порой эсхатологические настроения и песси-

К. К. Коледин

мизм, основной тональностью являются надежда, неустанный поиск плодотворных и светлых основ бытия, добра и справедливости, уважение к таинственному миру живой и неживой природы: «Как тихо проходят часы ожидания. / Истлеют в кострище зари облака. / Нас мягко несет на краю мироздания / Большая земля и большая река... / Пусть бакены медленно вверх проплываю, / Пусть крутит нас Волга за петлей петля. / Мы живы с тобою, и нас согревает / Живая река и живая земля» (С. 215).

В 2004 К. опубликовал переводы стихов польского поэта М. Вавжкевича (Московский вестник. 2004. № 2).

К.— член редколлегии ж. «Московский вестник». Лауреат премий ж. «Московский вестник» (2003) и «Золотое перо Москвы». Живет в Москве.

Соч.: Построю дом. Саратов, 1972; Кольцо перемен. М., 1988; Семь небес. М., 1992; [Стихотворения] // Поэзия. 1997. № 1; Проснись, любимая... М., 2000; [Стихотворения] // Московский вестник. 2002. № 2.

Лит.: Касмынин Г. Чувство общего дома. М.: Молодая гвардия, 1988. Котенко Н. Снова стихами повеяло... // Москва. 1995. № 6. С. 146–149; Казначеев С. Таинственная связь с мирозданием // Московский литератор. 2000. № 20; Вышел ростом паренек: [беседа К. Коледина с С. Казначеевым] // Труд. 2001. 28 февр.; Ляшева Р. Не всякому неوفиту под стать // Лит. Россия. 2001. № 45.

С. М. Казначеев